

*Айторе и Джун за то, что отказались «плыть дальше»,
чтобы побыть со мной. Это настоящая привилегия.*

Эдуардо. Всегда и во всем.

*Моему агенту Анне Солер-Понт за ее вклад, руководство
и неустанную, кропотливую работу. Спасибо, что была
«плохим копом» в моих романах и отличным советником
в реальной жизни. Спасибо от души — и вперед!*

*Марии Кардона за то, что поддерживала мое вдохновение,
решилась и радость и показала, что все получается
лучше, если делать это с улыбкой. Спасибо, что сделала
этот путь легче.*

*Рикардо Доминго. Ты по-прежнему умеешь видеть невидимое.
Уже столько лет...*

*В память о Хосе Антонио Аррабале, который умер
в неизвестности, но не в забвении. Спасибо, что был моим
читателем до конца.*

Эта книга входит в цикл романов, вдохновленных севером. В некоторых из них главный герой — Амайя Саласар; в других персонажи и сюжетные линии переплетаются вместе, создавая общую вселенную, в которой север — не сторона света, а связующая нить.

Потому что самое пустынное место в мире — это северная сторона человеческого сердца.

Пролог

Элисондо

Когда Амайе Саласар было двенадцать, она заблудилась в лесу, где провела в общей сложности шестнадцать часов. Ее нашли ранним утром в тридцати километрах севернее от того места, где она сбилась с пути, — измученную проливным дождем, в одежде, изорванной и закопченной, как у средневековой ведьмы, чудом спасшейся от костра; при этом кожа ее была белой, чистой и прохладной, словно Амайю только что достали из льда.

Девочка уверяла, что почти ничего не помнит о том, что с ней произошло. После того как она сбилась с тропы, в ее памяти сохранились лишь обрывки, состоящие из повторяющихся вновь и вновь кадров. Головокружительная скорость сменяющихся воспоминаний напоминала праксиноскоп Рейно, в котором последовательная смена изображений создает эффект движения. Иногда Амайя спрашивала себя, действительно ли она бродила по лесу или, может быть, просто сидела все это время, глядя на одно и то же дерево. Не подвергся ли ее мозг какому-то гипнозу, который навсегда запечатлел в ее сознании этот образ?

Это было самое обычное воскресное утро, когда она отправилась на прогулку со своей собакой по кличке Ипар, в составе группы любителей пешеходного туризма из Аранцы, к которой она присоединилась прошлой весной. Амайя любила лес, но в первую очередь ей хотелось порадовать тетю Энгриси, которая не один месяц твердила, что ей нужно больше двигаться. Обе понимали, что гулять по деревне —

не вариант. В прошлом году ее прогулки делались все более короткими, пока не свелись к дороге до школы и обратно, а также воскресным походам с тетушкой в церковь. Остальное время Амайя сидела дома, смотрела на огонь в камине, читала или делала уроки, помогала тетушке убираться или готовить. Она использовала любой предлог, чтобы лишний раз не выходить на улицу. Любое оправдание, чтобы не знать о том, что происходит в деревне.

Она всегда говорила, что помнит лишь одно: как смотрит на дерево, и больше ничего... хотя это было не совсем так. В памяти Амайи сохранилось не только дерево, но и гроза... и дом посреди леса.

Когда она пришла в сознание, у ее больничной койки стоял отец. У него было бледное лицо, мокрые от дождя, прилипшие ко лбу волосы и покрасневшие от слез глаза. Увидев, что дочь очнулась, он заботливо склонился над ней; выражение его лица разрывалось между беспокойством и облегчением. Это измученное лицо вызвало у нее прилив такой сильной нежности, что в ней можно было захлебнуться. Она так любила его... Амайя уже собиралась сказать отцу об этом, когда почувствовала легкое прикосновение теплых губ к своему уху:

— Амайя, никому ничего не рассказывай. Если ты меня любишь, сделай это ради меня. Ничего не говори.

Любовь, которую она всегда испытывала к отцу, тисками сдавила ей грудь. Слова, способные выразить всю глубину ее чувств, замерли где-то внутри, подобно болезненному воспоминанию, и умерли у нее на языке. Не в силах издать ни звука, Амайя кивнула. И это молчание стало последней тайной, которую она сохранила ради отца, — а заодно и причиной, по которой перестала любить его.

ЧАСТЬ I

Композитор все время думает о своем незаконченном произведении.

Стравинский

Мертвые делают что могут.

Энграси Саласар

Глава 1

Альберт и Мартин

Бруксвилл, штат Оклахома

АЛЬБЕРТ

Одиннадцатилетний Альберт был довольно послушным мальчиком, но в день, когда произошли убийства, он ослушался родителей. Не потому, что ему нравилось вести себя всем назло, просто он подумал, что, как и после предыдущих тревожных новостей, на самом деле в конце концов ничего не произойдет. Прогноз погоды раз за разом твердил о приближении сильной бури, о теплом и холодном фронтах, которые, столкнувшись в вышине, обрушатся на берег в виде торнадо. Об этом торнадо предупреждали с начала весны. Мать включала телевизор на кухне на полную громкость, не смотря на то что новости повторялись; стоило закончиться предыдущему выпуску, как тут же начинался аналогичный, если только кому-нибудь не приходило в голову убавить громкость или переключить канал. По какой-то причине — Альберт сам не знал, по какой именно; в конце концов, их дом ни разу не пострадал от торнадо — родители очень серьезно относились к этой теме. И когда утром он сказал им, что собирается встретиться с Тимом, сынишкой Джонсов, чтобы

поиграть у него дома, родители ему не разрешили. Три года назад ферма Джонсов пострадала от бури, и не было никаких гарантий, что подобное не повторится. Тема была закрыта. Все останутся дома и спустятся в убежище, как только объявят тревогу.

Спорить с родителями Альберт не стал. А после завтрака поставил чашку в раковину и просто улизнул через заднюю дверь. Он проделал уже половину пути от своего дома до фермы Джонсов, как вдруг заметил, что происходит что-то странное. Облака, ранним утром еще плотно закрывавшие небо, теперь неслись на полной скорости; солнце пробивалось сквозь них, отбрасывая на землю причудливые пятна света и тени. Все, казалось, замерло в томительном ожидании; тишина заполняла поля, сельскохозяйственная техника молчала, птицы безмолвствовали. Альберт прислушался: тишину нарушал только далекий собачий вой... а может, это была не собака?

Он уже почти дошел до Джонсов, когда его настигли первые порывы ветра. Испуганный, мальчик бросился к дому, взбежал по лестнице на крыльцо и изо всех сил замолотил в дверь. Никто не ответил. Альберт обошел дом и добрался до задней двери, которую хозяева всегда оставляли открытой. Но сегодня она тоже была заперта. Он приложил руки козырьком к стеклу, чтобы не отсвечивало, и осмотрел кухню. Никого не было. А потом он что-то услышал. Отступил на два шага и выглянул из-за дома. Над пустой равниной, как зловеющий стусок тьмы, окутанный пылью, туманом и разрушением, бушевал смерч. Альберт стоял неподвижно, загипнотизированный грозной стихией, которая неуклонно приближалась к ферме, пораженный ее невероятной мощью. Глаза его наполнились слезами из-за охватившей его паники и повисшего в воздухе песка. Он огляделся, отчаянно ища укрытие.

На ферме Джонсов было убежище. Возможно, оно располагалось в передней части фермы, но где точно, Альберт не знал, а возвращаться было уже поздно. Он бросился к ку-

рятнику, на мгновение обернувшись, чтобы посмотреть, куда движется чудовище, и молясь, чтобы дверь курятника оказалась не заперта. Дрожащими руками открыл затвор, представлявший собой дощечку, закрепленную на гвозде, а затем заперся изнутри. На мгновение его окружила абсолютная темнота, но постепенно глаза привыкали к скудному свету, пробирающемуся сквозь щели. Альберт едва успел перевести дух после беге, как в нос ему ударил удушливый запах перьев и куриного помета. Пошарив в кармане в поисках ингалятора, он вспомнил, что оставил его на столе возле телевизора. Едва сдерживая плач, прислушался, ревет ли снаружи зверь. Может, его завывания стихли? Может быть, он ушел? Альберт бросился на землю, не обращая внимания на грязь и помет, просачивавшиеся сквозь ткань его брюк, и прикинул глазом к отверстию между досок. Если торнадо на время и изменил направление, то теперь вернулся с еще большей силой. Альберт видел, как он приближается по равнине, подобно живому существу, вбирая в себя все, что попадаете по пути. Он с трудом оторвал взгляд от этого зрелища и только теперь, уже привыкший к полумраку, заметил кур. Те сбились в углы; некоторые взгромоздились друг на друга, образуя тихую, плотную кучу. Они знали, что погибнут, и Альберт сейчас тоже это знал. Дрожа всем телом, он подполз к птицам и, съездившись, втиснулся между ними.

Через мгновение смерч достиг фермы. Молчаливая покорность, с которой куры ожидали свою судьбу, сменилась жалобным кудахтаньем, напоминающим испуганные человеческие крики. Альберт тоже закричал, зовя на помощь маму, чувствуя, как у него перехватывает дыхание. Он на мгновение представил себе альвеолы, которые доктор однажды показал ему на схеме, — крошечные ячейки, плотно прижатые друг к другу, неспособные расширяться, чтобы вдохнуть кислород. И только теперь закричал по-настоящему. Кричал во всю силу своих легких, слушая собственный крик, который почему-то казался ему слишком тихим. Он понял, что это конец, когда

уже не мог различить собственный голос: все звуки перекрыл доносившийся снаружи чудовищный рев. Последнее, что он почувствовал перед тем, как на него обрушился курятник, была теплая струйка мочи, стекающая между ног.

МАРТИН

Солнце стояло высоко в прозрачном голубом небе, ни одно облако не омрачало совершенной синевы, подобной постапокалиптической насмешке. Мартин остановился, почувствовав, как капля пота скользнула по его голове между коротко стриженными волосами. Он нервно провел рукой по затылку и с раздражением заметил, что воротник рубашки намок. Носком блестящего ботинка отодвинул щепки и осколки, расчистив место, чтобы можно было поставить портфель. Достал из кармана белоснежный носовой платок и вытер затылок. Сложив его и спрятав обратно, придирчиво осмотрел себя. Хорошо выглаженные брюки, безупречная обувь. Впрочем, зря он надел скромный пиджак из шелковистого денима. Надо было выбрать более легкую куртку: после торнадо наступила жара. Насколько хватало глаз, все было разрушено; уцелел лишь небольшой красный сарай с лестницей, ведущей в убежище, где укрывалась семья Джонсов. Мартин подхватил портфель и зашагал к сараю. Две широко распахнутые двери и тяжелая цепь, висевшая на петлях, выдавали спешку, с которой его покидали. На мгновение он остановился и вдохнул запах, исходивший из темного земляного подвала: пахло грибами, торфом и чуточку мочой. Он почувствовал, как у него забилося сердце. Внутри никого не было. Мартин зашагал к ферме — точнее, к тому, что от нее осталось.

АЛЬБЕРТ

Альберт очнулся. Прежде чем открыть глаза, он уже понял, что не может пошевелиться: сверху давила какая-то тяжесть. Вдалеке услышал голоса Джонсов и попытался позвать на по-

мощь. Его легкие, сжатые неведомой тяжестью, едва выдержали три выдоха, прежде чем он снова потерял сознание.

Мальчик пришел в себя от раздражающего, слепящего света. Он не знал, сколько времени пролежал без сознания, но на этот раз решил сохранять спокойствие, чтобы не отключиться, как в первый раз. Вспомнил, что не может двигаться. Доска — вероятно, свалившаяся с крыши курятника — полностью закрывала его, но поверх нее лежало что-то еще, что-то очень тяжелое. Левой рукой Альберт ощупал край доски, которая была не очень широкой, так что, скорее всего, сверху ее придавила одна из толстых балок, поддерживавших курятник. Он вдохнул, стараясь дышать через рот. Лоб горел — край доски содрал с него кожу, — нос забило соплями и кровью, не давая учуять удушливое птичье зловоние. Тяжесть сдавила грудь, и, кажется, он сломал левую ногу. Все еще лежа неподвижно, Альберт чувствовал, что нога застряла и что в нее вонзилось что-то острое, вроде осколков стекла. Рядом с правой рукой лежала тушка мертвой птицы. Альберт заплакал, одновременно понимая, что не должен бояться, и изо всех сил попытался вспомнить, как успокоиться, чтобы справиться с приступом астмы. Затем старательно задышал ртом, насколько позволяла лежавшая на груди тяжесть. Мысленно он слышал голос матери, которая всегда помогала ему во время приступов: «Молодец, Альберт, у тебя отлично получается, дорогой». При мысли о маме ему снова захотелось плакать, глаза наполнились слезами, и он почувствовал себя глупым и маленьким. Придя в себя, непроизвольно вздрогнул; дрожь прокатилась по всему телу до сломанной ноги, заставив мальчика застонать от боли и утратить хрупкий контроль над дыханием. Поэтому следующие несколько минут он мысленно подсчитывал вдохи и выдохи, временно забыв про маму, пока ему не удалось снова взять себя в руки. Затем склонил голову к правому плечу и, вновь царапая лоб, попытался что-нибудь разглядеть сквозь отверстие, оставленное рухнувшими досками.

Альберт вырос в деревне, и хотя с того места, где он лежал, ему не было видно небо, по степени освещенности он понял, что перевалило за полдень и что смерч унес облака, закрывавшие небо утром. Повезло, подумал он, что мистер Джонс скосил траву два дня назад, иначе он не смог бы рассмотреть человека, идущего по полю. Альберт сразу понял, что это не мистер Джонс. На груди у человека сверкал значок, а в руке он нес портфель. Альберт глубоко вдохнул, максимально наполнив легкие, и закричал, но изо рта вырвался лишь хриплый полузадушенный стон. Человек на мгновение перевел взгляд на обломки курятника. Альберт был уверен, что он направится к нему, но тут лежавшая возле его правой руки курица, которую он принял за мертвую, пролезла в щель между досками и вышла во двор. После этого человек, явно потеряв интерес, отвел взгляд от курятника и снова зашагал к ферме. Альберт расплакался, больше не заботясь о том, чтобы не задохнуться: в конце концов, он был уверен, что умрет.

МАРТИН

Направляясь к дому, он услышал жалобные крики, доносившиеся из развалин. Эти крики он слышал десятки раз. Точные слова не имели значения. Все пережившие трагедию повторяли одно и то же. Голос, застрявший в горле, силился выразить жалкое положение, в котором оказался человек: раненый, истекающий кровью и теряющий скудные остатки сил. Он судорожно рылся в обломках в поисках чего-то, за что можно было бы ухватиться, что вернуло бы ему затухающую надежду, необходимую для того, чтобы выжить.

Девушка лет шестнадцати достала из-под обломков пестрый платок, которым взмахнула, как гимнастической лентой, прочертив в воздухе пыльный след, прежде чем повесить себе на шею. Она первой увидела приближавшегося человека

и позвала семью, указывая на него длинным пальцем с коротким ноготком, выкрашенным в черный цвет. Они смотрели на него через проем, некогда служивший окном; равнина была вся усыпана щепками, и человек двигался по ней в направлении фермы.

Мартин приветливо помахал им рукой. Он заметил еще двоих детей: подростка чуть младше девушки и мальчика, которому на вид не было и двенадцати. На старшем была футболка с логотипом рок-группы, а младшему явно не помешала бы стрижка. Мистер Джонс его не разочаровал. Он плакал, сидя на ступеньках разрушенного крыльца. Мартин заметил рядом бутылку воды, несколько шоколадных батончиков и пистолет. С видом абсолютного бессилия мистер Джонс сжимал голову руками, а его пожилая мать, сидя рядом с ним, утешала его, покачивая, как маленького ребенка. Женщина лет сорока пяти в нескольких шагах от них смотрела на Мартина пытливо и вызывающе. Он предположил, что это молодая миссис Джонс. Стройная, миловидная, с волосами, окрашенными в красноватый искусственный оттенок, который ей отнюдь не шел, в руках она держала одну из тех глупых маленьких собачонок, которые беспрерывно тявкают. Мартин еще раз проверил, хорошо ли видно бляху на груди. При виде его компания оживилась; Джонсы побросали все, что держали в руках, и инстинктивно кинулись к дверям, хотя большая часть стены с этой стороны исчезла. Миссис Джонс отреагировала первой. Не выпуская собачку, она поправила блузку, слегка пригладила волосы и спустилась по лестнице, чтобы поприветствовать Мартина ослепительнейшей из своих улыбок. Он тоже улыбнулся, ненавидя ее всей душой за то, что она способна на такое зло, на такую низость, на такой ужас, что прогневала самого Бога. Протянул руку и, прежде чем коснуться ее пальцев, уже решил, что, хотя надо было начать со старухи, на этот раз миссис Джонс будет первой, кого он убьет.